АНДРЕЙ ЖУРКОВИЧ
МОРМИЛАЙ
КНИГА ПАМЯТИ
18+

Андрей Журкович

Мормилай. Книга памяти

«Автор»
2026

Журкович А. А.

Мормилай. Книга памяти / А. А. Журкович — «Автор», 2026

Они разорвали ткань реальности и встретились вновь — два мормилая, проклятых и разлученных судьбой. Но что ждёт их дальше?По пятам уже идут инквизиторы церкви Эвт. Сонамская империя готовится к новому наступлению. Некроманты, чьи нерушимые контракты оказались расторгнуты с возвращением мормилаев с того света, в ярости — их собственные чары оборачиваются против них, заставляя заживо гнить под гнётом магии.Как спасти себя и сохранить человечность? Или, быть может, это уже невозможно? Весь мир ополчился против Алексея и Агаты, и лишь в туманном прошлом, сквозь пыль веков, слышится эхо истины. Лишь там можно найти ответы.

© Журкович А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 29
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Андрей Журкович
Мормилай. Книга памяти

Глава 1

Даже самая дальняя дорога не страшна, если ты выбрал её сам.

Едкий дым окутывал редколесье, сизым ковром расстилаясь над верхушками молодых сосен, не достигавших и сажени в высоту. Куда ни погляди, он следовал за нами по пятам, будто шлейф от тяжких грехов, словно могильный саван, свисающий с наших плеч. Мокрый снег хрустел под ногами и замедлял движение. Следы оставались настолько глубокие, что не было никакого смысла пытаться их скрыть.

«Найдут, чёрт меня подери, найдут, — сумрачно размышлял я, то и дело оглядываясь на своё воинство. — Прятаться бесполезно. Они и не станут. Их попросту уже нечем пугать».

За мной, раскачиваясь, подрагивая, почёсываясь, кашляя и постанывая, брела толпа оживших мертвецов. Их взгляды полнились решимостью, граничащей с безумием. Ноги работали без усталости, вспарывая заснеженную землю, топтать которую вновь они так мечтали. Спасённые души мормилаев, что ждали в Амбраморкс долгие годы, вырвались на свободу и теперь жадно вдыхали воздух — до одурения, до хрипоты, не веря в то, что это на самом деле, взаправду. Что происходящее — не фантом или мираж, призванный лишить их самого последнего, тусклого огонька, который лелеяли не согнувшиеся и не сдавшиеся чёрному солнцу, — надежды.

— Большой пожар, — проговорила, не останавливаясь и не оглядываясь, Агата. — Дым словно идёт по пятам… Не к добру это… Алёша.

Последнее слово было произнесено неловко, так, будто бы ей пришлось выговорить его, пересиливая себя, ни то от стеснения, ни то от… Я не знал. Терпения доставало лишь на то, чтобы не пялиться на неё всё время. Мысли путались и превращались в полнейший балаган, едва мой взгляд обращался к ней. Надежда, ставшая реальностью, всё ещё казалась шуткой или сном.

Я поглядел на неё и в который раз вздрогнул, не веря собственным глазам. На вид совсем юная, едва достигшая совершеннолетия любовница Антони, шагала рука об руку со мной. Но это была не она. Зеленоватые очи молодой Хшанской потемнели, приобретя сапфировый блеск, каштановые кудри пронзила ранняя седина. Она смотрела совсем иначе, не как Марианна. Цепкий и умудрённый жизнью, да и не только, взгляд.

«Не к добру… — эхом отозвались в моём сознании её слова. — Боюсь, это понятие более ко мне не применимо».

— Монастырь Эвт горит, — уверенно заявил я.

— Твои люди это сделали?

Я лишь покачал головой. С момента нападения на конвой, сопровождавший Хшанских, прошла ночь. События, произошедшие во мраке после, стали поистине чудовищным испытанием для этой земли. И, быть может, я хотел бы навсегда об этом забыть, но поклялся себе того не позволить.

«Это я всё спланировал. Это я привёл к смерти столько безвинных людей. Это я — некромант, не считающийся ни с одним из обетов, которые обязан был дать».

— Не думаю, — наконец ответил я, чуть помедлив. — Ландскнехты жадные до добычи, но не дураки. Они озолотились на несколько жизней вперёд. Да и взять штурмом монастырь такими малыми силами… вряд ли. Их уже и след простыл, не удивлюсь, что по дорогам, да

ещё и верхом, они разбежались в разные стороны, как крысы. Теперь только ищи-свищи ветра в поле… Впрочем, их и не будут искать.

— Тогда кто? — спросила Агата, на миг задержавшись на мне взглядом.

Я понял, что у неё уже созрела догадка, но она страшится её.

— Сколько с нами людей? — проговорил я, оглядываясь.

— Меньше, чем покинуло Амбраморкс, — протянул хриплый голос неподалёку.

Я тотчас нашёл взглядом говорящего. Им оказался мужчина с курносым носом и красным отёкшим лицом да колотой раной на шее. Он уже наскоро перебинтовался обрывками ткани. Чёрные кудри слиплись от запекшейся крови, придавая его образу воинственной стати. Мне не составило труда догадаться, кто это. Я чуял это нутром, безошибочно распознав старого знакомого.

— Арон, потрудись пересчитать и доложи мне, — ледяным тоном приказал я.

Восставший из могилы Веленский собрался было возразить, резко развернувшись ко мне, но Агата моментально его осадила.

— Арон, сделайте это и поскорее.

— Как прикажете, Мытея, — вымолвил он бесстрастным голосом, стараясь не смотреть на меня, и отстал.

— Почему ты спросил? — шепнула Агата, когда мы вновь остались одни.

Она шла быстрым шагом, не останавливаясь и даже не раздумывая, куда идёт. Каждый понимал, что погоня — вопрос времени. Нас слишком много, чтобы затеряться на тракте или даже в городе, а потому пока единственно верным решением было бежать без оглядки.

— На всех не хватило тел, — ответил я. — Всё происходило так стремительно… так быстро. В мир вышло множество беглецов, часть приняла новые тела, а тем, кому не хватило, теперь суждено скитаться неистовыми духами… Впрочем, таких и раньше хватало. Я видел.

— Мы очень долго шли к этому… — кивнула Агата.

— Но реализация оказалась куда как сложнее замыслов, — закончил я.

— Это моя вина, — тотчас проговорила Агата, беря меня за руку. — Мне следовало снабдить тебя более точной информацией о том, сколько нас… Но едва я увидела свой амулет… Мой разум затуманило стократно возросшей надеждой… Алёша, я проявила слабость, — добавила она.

— Отбрось эти мысли. Забудь даже такое слово — «сожаление».

— Мне не следует, — твёрдо и даже яростно процедила сквозь зубы Агата.

— Они устроили пожар, я уверен, — продолжал я, игнорируя перепад в её настроении. — Как знать, каковы истории душ из тех, что мы призвали с собой?

— Мне известна каждая, — коротко обронила Агата.

— И даже их мотивы? — спросил я, останавливаясь и разворачивая Мытею лицом к себе. — Скрытые помыслы? Страхи? Чаяния?

— Почти всё.

— Они могли ненавидеть Эвт и всё, что с ней связано?

— Ещё бы! Как и все мы, — с жаром проговорила Агата, даже зардевшись от негодования.

— Тогда я, кажется, знаю, кто мог устроить пожар. Может, они искали себе тела, но наткнулись на инквизиторов? Да, это монастырь… Но я давно мыслю, что он лишь ширма для совершенно другой организации…

— Либо они сражаются, чтобы дать нам шанс, — сказала Агата.

В небесах раздался отрывистый и сварливый крик лугового луня.

— Ке-ке-ке! — прокашляла птица.

Блеснув серебристыми крыльями, она сделала над нами круг, скрываясь из виду.

— Поблизости гнездо, — машинально заметил я. — Мы потревожили его.

Агата заворожённо проследила за лунем, пока тот не скрылся из виду. Её губ коснулась нежданная улыбка.

— Он прекрасен… Как я от этого отвыкла!

— Отбрось мысли о сожалении, — вновь твёрдо сказал я. — Ты спасла всех, кого смогла. Даже без тел им лучше здесь, чем там. Я встречал многих… таких как они. Эти сущности живут и среди людей, и за пределами городов, иные прячутся в лесах, на болотах… Мир давно не такой, каким мы его мнили, Агата.

— Я знаю, — тихо ответила она.

— А потому забудь и слово «сожаление», как это сделал я.

— Ужель тебе не жалко даже тех, кого нынче мы лишили жизни? — с интересом спросила Агата.

— Нет, — просто, но честно ответил я. — Человеческое во мне плачет по ним, но это пройдёт. Стыдно ли мне за то, что я сделал? Снова нет. Я говорил уже множество раз, пусть и не тебе, — **—** Яровицына давно нет. Я видел то, что не видел он. Я делал то, что не помыслил бы он. Я знаю такое, что не сумел бы постичь он.

— Как и я, — заметила Агата, вздохнув. — Ты же понимаешь, что теперь будет?

— Даже и представить не могу, — со смехом проговорил я.

Она грустно улыбнулась в ответ.

— Эвт не потерпит посягательства на её власть.

— Эвт? — переспросил я с сомнением. — Она вообще ещё жива?

— А как же иначе, Алёша? Она победила много веков назад, изуродовав саму ткань мироздания.

— Но зачем?

— Не со зла, конечно же. Ей не хватило силы, она переоценила себя, растратив могущество на создание отражений для войны с нами.

В этот момент рядом раздались тяжёлые шаги и уже начавший раздражать меня голос доложил:

— Пятьдесят шесть человек следуют за вами, Мытея. Если считать капитана Яровицына, конечно же.

Он говорил прямо, но в то же время тон был издевательским, с акцентом на мой уже не действующий армейский чин.

— Им нужен привал? — осведомился я, пропуская мимо ушей его остро́ту.

— Гм… нет. Они пойдут сколько надо. Вот только хотелось бы знать, каков наш дальнейший план?

Мы остановились, дожидаясь, пока подойдёт разношёрстная толпа. Среди них брели мужчины и женщины, молодые и старые. К моему вящему облегчению, не было детей. Агата глядела на них так, будто бы все идущие — её родственники. В глазах Мытеи лучилась нежность и забота. Когда все замерли, она заговорила.

— Мы долго ждали этого часа. Над нами снова тёплое солнце!

Её слова встретили радушные возгласы. Однако если бы случайный наблюдатель поглядел на эти овации со стороны, то устрашился бы. Забывшие, что такое радость и свет, да к тому же едва успевшие принять чужие личины, они растратили даже способность улыбаться. Лица мормилаев нелепо кривились и корчились в немыслимых гримасах. Им только предстояло вновь обретать себя.

— Впереди нас ждут суровые испытания, — продолжила Агата. — Я, как и раньше, хочу лишь одного — не мести, нет! Но справедливости. Для того, чтобы в мире больше никто и никогда не исковеркал душу живого, мы должны уничтожить всех некромантов.

— До единого! — злорадно прорычал Арон, поглядывая на меня.

— А как быть с ним? — прошипела женщина со спутавшимися рыжими волосами, что стояла напротив меня.

— Да. Как быть с этим? — поддержали её и другие голоса.

— Алексей спас всех нас, — спокойно, но твёрдо проговорила Агата, обводя толпу взглядом. — Открыл дорогу назад. И он один из нас. Такой же, как и вы, — проклятый.

— И всё же он некромант, — нахально заметил Арон.

Я глянул на него, с удивлением наблюдая за метаморфозами обретшего новое тело. Сила ненависти ко всему живому Арона, как и его многолетняя, без преувеличения вековая, боль была столь велика, что он очень быстро адаптировался к новой форме бытия, подчиняя чужое тело. Он жаждал возмездия, как пьяница чарки вина. Но вот для кого?

— Алексей служит Великому плану, — грянула Агата.

Её голос вдруг стал столь громким и чарующе могучим, что я втянул голову в плечи. По ушам словно хлёстким ударом грянул приказ, нарушить который нельзя было даже под страхом смерти. Едва оправившись от потрясения, я выпрямился, будто стоял на смотре войск.

— И его служение завершится нашей победой! — последние слова Агата прокричала так громко, что казалось, будто даже верхушки деревьев закачались от звуковой волны её голоса.

Звенящая тишина была ей ответом. Никто не посмел что-либо возразить или спросить снова.

— Не многие из вас дойдут до конца, — заговорила вновь Агата, когда оробевшая и замершая толпа зашевелилась. — Если кто-то захочет свернуть с нашего пути, пусть сделает это сейчас.

Люди молча взирали на неё.

— В этом нет предательства! — говорила Агата. — Как и нет нужды в ваших новых жертвах. Если кто-то из вас хочет просто жить… заново… я отпускаю всех и каждого. Но вы должны будете решить это немедленно. Даю вам один час. Кто пойдёт с нами дальше, будет лишён такого шанса, — жёстко закончила она.

Толпа стояла неподвижно. Шли минуты. Мало-помалу люди стали перешёптываться. Кто-то отходил в стороны группами по двое-трое.

«Наверное, они давно вместе, — думал я, наблюдая. — Когда-то выживали под чёрным солнцем. Держатся вместе и теперь. Бегите. Бегите, пока не поздно, вот чего желаю вам я».

К нам подошёл Иляс. Лакейский камзол куда-то пропал. Я не заметил, когда старый друг успел от него избавиться.

«Когда я призывал мормилаев, вестимо… Сколько же я пробыл без сознания… Ничего не помню».

Теперь на нём был жёлтый колет без рукавов из телячьей кожи, короткий плащ на шнуровке, тёмные шоссы и ботфорты с широким, закатанным голенищем. Снятые с убитых вещи он подобрал по размеру. Лишь на голове осталась неизменная треуголка, которая, по-видимому, ему нравилась. Перевязь на поясе Иляса вмещала кавалерийский эсток и два пистолета.

— Скоро пойдёт снег, — бросил он, поглядывая на чистое небо.

— Сомнительно, — заметил я.

— Пойдёт, — убеждённо проговорил он.

— Никогда бы не подумала, что буду желать бурю, но сейчас она была бы кстати, — благосклонно проговорила Агата, вглядываясь в край горизонта.

Арон, заметив, что мы стоим втроём и переговариваемся, невольно приблизился. Мормилай бросал на меня угрюмые взгляды, будто бы ревновал к Мытее. Не исключено, что так оно и было. Хотя я списывал его поведение на то, что раз Веленский и при жизни запомнился семье не лучшими качествами, что уж говорить о том, как поломало это озлобленное существо царство вечного мрака.

— Госпожа Мытея… Гм… Разумно ли отпускать их? — полушёпотом проговорил он. — А ну как нас выдадут.

— Кому? — спросила Агата. — Городовой страже ближайшего города?

— Поднимут на смех, — буркнул Иляс. — Мало ли умалишённых?

— Церковники и так скоро обо всём проведают, — добавил я. — Нам надо затеряться.

— Спрятать такую толпу непросто, — покачал головой Арон.

— Поэтому надо её проредить, — согласился я. — Пусть те, кто желал лишь бежать, и бегут.

— Если нас будет слишком мало… — упрямо протянул Арон и замолчал, глядя куда-то мне за спину.

От общей массы отделилось семеро. Трое мужчин и четыре женщины. Они глядели на Агату чуть виновато, но столь моляще, что всё стало ясно без слов.

— Я желаю вам чистого неба над головой и обрести тёплый очаг, — проговорила Агата, заставив себя натянуть улыбку.

От меня не укрылось, как дрогнули её скулы.

«Она не хочет их отпускать… Эти души слишком многое прошли вместе».

— Благослови тебя истинный свет, Мытея, — отвечали они, кланяясь, но не решаясь уже приблизиться, и брели прочь.

Сначала ушли семеро. Следом за ними ещё трое на север. Затем пятёрка отправилась на восток. Некоторые уходили поодиночке. К исходу отведённого Агатой часа нас осталось двадцать три. К тому времени небо затянула серая пелена, которую я поначалу принял за дым, запах которого уже перестал замечать. Но когда поднялась метель, в груди что-то ёкнуло, наполняя тело радостью и надеждой.

— Как ты узнал? — весело спросил я Иляса.

— Да Дулкруд его знает, — ответил тот, подставляя лицо рою снежинок. — Знал и всё.

— Вот нас и стало меньше, — резюмировал Арон. — Госпожа Мытея, нам пора в путь.

— Нас всё ещё слишком много, — возразил я. — Пусть пожар и метель сыграли нам на руку. Орден Пера и Луны будет искать нас.

— Что ещё за орден? — прорычал Арон.

— Те, кто стоят за многими тёмными делами в этой стране и не только.

Сказав это, я обратился к Агате:

— Нас будут искать на каждом тракте и в каждой деревне. Двадцать три — это всё ещё слишком много. Нужно разделиться на три группы. Одну поведу я, вторую — Арон, третью — Иляс. Мы все бывшие военные и должны справиться. Малыми группами мы пойдём в разные стороны, разными путями достигнем трёх городов. Иляс пойдёт в Рутоль, я — в Нутар, Арон — в Жемендо. Под видом мастеровых, уличных артистов, голодающих после неурожая крестьян… мы смешаемся с толпой, заляжем на дно.

— Уж я-то очень похож на крестьянина, — хмыкнув, заметил Иляс, похлопывая перевязь с тяжёлым мечом.

— Думайте сами, за кого себя выдать, — сказал я, махнув рукой. — Нам нужно раствориться… затеряться… Пусть все, кто нас ищет, решат, что мы канули в лету. Что забились в угол где-то на задворках… Через один месяц, когда всё поутихнет, мы встретимся в назначенном месте.

— Мне всё это не нравится, — тотчас заявил Арон. — Но допустим… Что за место?

— Дракул-Тей. Если всё складывается так, как я думаю, он может оказаться под сонамцами к тому времени.

— Сонамская империя нападёт на Поларнию? — с удивлением протянул Иляс.

— Она уже вторглась в Халивию. Если султан остановится, нам и это на руку, мы сможем перейти границу в прифронтовом городе и оказаться вне юрисдикции церкви Эвт.

— Сонамцы поклоняются Якетанри, — задумчиво проговорила Агата. — Зачем нам туда?

— Якетанри — одно из имён Лот, — ответил я.

— Откуда ты… — заинтересованно прошептала она, — это знаешь?

— Меня учил один человек… уже не человек, вампир. Я многое почерпнул из текстов, что хранились в его замке и от него самого. Якетанри, Доминус, Видфари, Фламест, Дулкруд… хотя с ним всё сложнее… в общем, это всё имена одного бога. У сонамцев есть некроманты?

— Я не знаю, — медленно проговорила Агата, глядя мне в глаза.

— А инквизиция?

— Вроде бы нет…

— У нас непростая задача, к решению которой мы приблизимся не скоро. Уничтожить всех некромантов разом пока не получится. Нас быстрее переловят церковники Эвт. Слишком много врагов. Я думаю, нам надо на время стать союзниками с одними из них.

— Ты предлагаешь нам… — запинаясь, прохрипел Арон, — снова стать рядом… с этими… тварями?!

— Другого выхода нет, — отрезал я. — Ваше восстание изначально было лишь бегством! Но что делать дальше, никто не думал! Сейчас на это нет времени. Это проза войны, Арон. Если ты запутался, — выиграй время. Если мы будем вдали от лап инквизиции, то сможем действовать не спонтанно, а планировать. Как бы странно это ни звучало, но сейчас на территории врага нам будет спокойнее, чем здесь.

— Я ни черта не понимаю, о чём вы тут болтаете, но я согласен, — устало сообщил Иляс. — Здесь на твёрдой земле всё как-то поменялось. Там мы жили одной лишь яростью и отчаянием. Нам нужно время и союзники.

— А я против! — гаркнул Арон.

— Но мы поступим именно так, — строго объявила Агата.

Глава 2

Изгнать тьму может лишь свет. Победить зло — добро. Но что делать тогда, когда нужно уничтожить свет, переставший быть добром?

С неба накрапывал дождь, сменивший вчерашнюю вьюгу. Заметно потеплело, отчего белоснежный покров сходил, обнажая чёрную землю. Снег таял так быстро, что вода не успевала впитываться в ещё промёрзшую твердь. Повсюду стояли лужи, стекающиеся в ручьи, журчащие так весело и звонко, словно уже наступила весна. Дороги размыло, и даже идти было тяжело. Моя группа из семи человек продиралась лесами, пока не послышался многоголосый гомон со стороны тракта.

— Погоня? — прошептала Агата, сжав мою ладонь, едва до нашего слуха донеслись отдалённые звуки приближающихся людей.

— Не думаю, — медленно ответил я, всматриваясь вдаль. — Не слышно собачьего лая. Вряд ли бы на нас набрели наугад без ищеек.

Открыв карту, я изучил окружающую местность в поисках ориентира. На севере темнели плоские горы, ещё не сбросившие меховые снежные шапки. Оттуда временами доносился гром сходящих лавин. На западе простиралась равнина, нынче похожая на разлив огромного озера. Рассекая его надвое, на юго-запад тянулась вереница людей.

— Странное направление, — проговорил я, обдумав увиденное. — Беженцы идут в сторону войны, а не от неё.

— Беженцы? — переспросила Агата, провожая мой взгляд.

— Присмотрись, — ответил я.

Это не был торговый караван.

— Уж слишком растянулась вереница людей, — объяснил я. — Да и не так много повозок с грузом. Колёса вязнут в грязи, но никто не стремится помогать. Многие идут мимо. Потому что их связала вместе только нужда, но в спину дышит страх. Это бегство.

Агата долго смотрела на людей, бредущих по колено в воде, словно цапли.

— Примкнём к ним?

— Смысл есть, — задумчиво протянул я. — Но тогда мы зря разделились…

— Мы не могли знать заранее, — возразила Агата.

«Как и всегда, — мрачно подумал я. — Сколько раз мои решения так ни к чему и не приводили из-за подлейших капризов судьбы?».

Рядом с нами стояли ещё пятеро. Три мужчины и две женщины. Они всё ещё не успели прийти в себя после восстания с того света. Говорили мало и только друг с другом. Агата вызывала в них религиозный восторг, смешанный со страхом, а я — лишь недоверие, помноженное на необъяснимую ненависть. Не было и никакого смысла пытаться объяснить им природу силы, которой полнилось моё естество, доказывать непреднамеренность её получения. Для этих вернувшихся людей мир давно разделился лишь на два цвета — белое и чёрное, и с чёрным ассоциировалось всё то, что осталось за спиной в Амбраморкс под гнётом солнца проклятых, как и те, кто отправлял туда таких, как они.

— Идём, — решился я, увлекая Агату за собой.

Остальные последовали за ней. Поток людей тянулся и тянулся, казалось, превратившись в бесконечную цепь. Нас заметили, но поскольку не было единой организации движения, оставили практически без внимания.

«Похоже, мы не внушаем опасений, — заключил я, продолжая сближение. — От кого же вы бежите?».

— Не заговаривайте ни с кем сами, — бросил я на ходу, не оборачиваясь. — Легенда остаётся прежней: мы с Мытеей — супруги из Крампора, двигались в Авашру на двух дилижансах со слугами. На нас напали разбойники, ограбили, охрану перебили. Мы чудом спаслись бегством. И ещё! Всем спрятать оружие, замотайте его в ткань и тащите на себе, так чтобы не звякало.

Дождь нещадно поливал, не являя и намёка на передышку. Затянутые серой непроглядной хмарью небеса плакали, низвергая на уставших людей то усиливающиеся, то ослабевающие потоки воды. Когда до вереницы беженцев осталось не более ста саженей, от неё наконец отделились пять человек, направляясь навстречу.

«Мужчины, — отметил я, всматриваясь. — Все при оружии. Две старенькие аркебузы. Бьюсь об заклад, что не выстрелят, даже если очень понадобится. Но все при саблях гервенского типа, благо пока в ножнах».

Оказавшись ближе, я понял, что принял за аркебузы бландербассы. Огромные дула ружей, которые держали на руках, будто младенцев, дородные мужчины, выглядели поистине грозно. Я видел, каково это оружие в ближнем бою. Картечные залпы бландербасса не держал ни один нагрудник, а площадь поражения заставляла усомниться в собственной храбрости многих воинов.

«Если это изделия логганцев, тогда точно стрельнет, даже под дождём. Да так стрельнет, что перезаряжать им не придётся».

— Кто вы такие? — хмуро осведомился мужчина, вышедший на шаг вперёд от товарищей.

— Супруги Людвиг и Хильда Лампрехт, — не задумываясь, соврал я, назвав имя и фамилию моего старого учителя фехтования и его дочери.

Мужчина бросил вопросительный взгляд на людей позади нас.

— Слуги, — пояснил я. — Мы следовали в Авашру, но на наш дилижанс напали разбойники. Это все, кто выжил.

— Нам нужна помощь, — добавила Агата, коротко поклонившись.

Мужики переглянулись, тот, что был главным, громогласно и твёрдо объявил:

— Зубы покажите. Все. Ну!

Я повиновался, открыв рот и явив к осмотру челюсти. Мои спутники проделали то же самое.

— Помощь, грит… Ага. Всем она тут потребна… Ладно, — пробасил мужчина. — Якоб Берут.

Он протянул руку, и я пожал её.

— Едой не богаты, свободных повозок нема, — жёстко, но без агрессии доложил он. — Вечером на привале состряпают кашу. Но треба руки, — добавил он. — Колёса телег постоянно застревают, ручьи разлились повсюду… задери меня медведь. Короче, господа благородные, придётся замочиться и испачкаться, так-то вот. Господин Лампрехт не боится грязи?

— Не боится, — ответил я, улыбнувшись.

— Тодым, милости просим, — кивнул мужчина.

Якоб развернулся и в сопровождении двоих так и не представившихся спутников направился к каравану. Двое типов с бландербассами дождались, пока мы пройдём мимо них, ещё некоторое время вглядываясь в раскинувшееся перед ними редколесье, а затем направились следом. Вереница людей, что тянулась от горизонта к горизонту, впустила нас, встречая холодными и измождёнными взглядами.

— Давно идёте? — как бы невзначай бросил я, когда Якоб вновь оказался неподалёку.

— Кто как… — неопределённо ответил он.

— Мы следовали из Крампора и не слышали последних новостей, — вновь закинул удочку я. — Что там на границе с Халивией?

— А хрен его, — грубо обронил Якоб, сплюнув под ноги. — Мне чё, есть дело до чужих бед? Своих хватает.

Какая-то нужда заставила их всех, побросав имущество, бежать. Вдруг позади раздался истошный женский крик. Я обернулся, но не сразу смог разглядеть её. Она ревела, как ненормальная, завывая нечеловеческим голосом. От отчаяния и ужаса, что звенел в нежданном вопле, у меня по телу пробежала дрожь. Дёрнувшись на звук, я тотчас остановился. Чья-то крепкая рука схватила моё предплечье. Якоб Берут только хмуро покачал головой, мотнув подбородком к голове колонны.

— Разберутся, — обронил он и спустя мгновение добавил. — Нельзя мужикам к ней… Бабы угомонят. Мужика, ежели видит, только хуже будет.

Я мельком глянул назад, заметив, что Агата бросилась на крик.

— Что с ней сделали? — быстро спросил я, понимая, что это отличный момент добиться интересующих меня ответов.

— С самой ей ничего, она токмо чувств лишилась, когда упыри в дом нагрянули. Один мужа ёного освежевал, а второй двоих детей погрыз. Саму барыню прислуга спасла, они там с ней и ручкаются.

— Откуда они взялись?

— Кто? Баба и слуги?

— Да нет же… Как ты сказал? Упыри.

— Кабы знал, был бы инквизитором, — хохотнув, заметил Якоб, но тотчас вновь посерьёзнел. — Откеда гришь ты будешь?

— Из Крампора.

— И чё у вас там спокойно?

— Да, вроде… — рассеянно протянул я. — Говорят, правда, монастырь Эвт горел, но я сам того не видел. Может, слухи…

— Не-е-е-ет. Точняк тебе говорю, это не слухи! Значит, и там проявились, едрит твою кочерыжку.

— Кто проявился? — спросил я, уже начиная смутно догадываться.

— Кровососы, — буркнул Якоб, при этом слегка подёрнув плечами.

— Да не может быть, — деланно изумился я. — Святые отцы бы не допустили…

— Ага. А монастырь сгорел сам, да? Вам может и повезло, что раньше свалили, чем началось. Да и карету твою-то упёрли не зазря, поди? Эт не разбойники, я так смекаю… Бедолаги ополоумевшие.

— Скажешь тоже, бедолаги. Они людей убили, нас на смерть посреди тракта бросили. Да и нас бы убили, если бы мы не сбежали.

— Ой, да нужны вы кому больно, — поморщившись, проговорил Якоб. — Сейчас у всех одно на уме, как бы половчей да поскорей добраться к Авашре.

— Так, ведь правильно же, — поддакнул я.

— Ага… Правильно, он грит… Кто нас туда пустит, коль полстраны к святому престолу драпанёт, а?

— Но ты же идёшь, — возразил я.

— Иду, а чё бы и не идти? Выбора-то нема!

Мне давно надоел разговор с этим грубым и не словоохотливым человеком. Однако всё же кое-что из этого диалога удалось почерпнуть. Я отстал от Якоба и, поравнявшись с Агатой, осторожно сжал её ладонь, призывая слушать.

— Ты понимаешь, что происходит? — шепнул я.

— В общих чертах, — ответила Мытея. — Людей выгнали из городов вампиры!

— Не находишь, что это странно? В городе проще защититься, чем на открытом пространстве. И ведь там инквизиция! Почему они бегут из безопасных стен навстречу верной смерти?

— Ты неправ, — прошептала Агата. — Говорят, две ночи назад вампиры устроили резню в нескольких городах. Говорят, об их существовании никто и не знал, все думали — сказки!

— Но сказки пришли в дома, рвать и убивать, — заметил я.

— Да. И первыми получили именно церковники. Та женщина… что кричала… Я смогла её успокоить и заставить заснуть. Она ненадолго пришла в себя и поведала, что церкви Эвт горят. На улицах повсюду трупы священников и тех, кто послушничал при них в ополчении. Она сказала…

Агата замолчала, осторожно глянув по сторонам, чтобы удостовериться, что нас не слышат.

— Она сказала, что повсюду были страшные чудища, едва ли похожие на людей. Крылатые, зубастые, а с ними загоняли несчастных чёрные тени.

— Чёрные тени? — переспросил я.

— Да, — надломленным голосом объявила Агата. — Тёмные искры, неистовые духи.

Мы замолчали. Дождь перестал нас терзать, и вода мало-помалу впитывалась в землю. Редколесье почти сменили луга. Деревья встречались всё реже и реже. Мне вдруг попались на глаза подснежники, растущие на обочине. Я бы и не заметил их, если бы уровень воды не опустился. Так и не успевшие распуститься бутоны сгнили. Тщедушные, тоненькие стебли, спутавшись, лежали вповалку, примятые потоком уже исчезнувшего ручья. Агата тоже увидела мёртвые цветы. Её и без того печальное выражение лица стало скорбным.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — проговорил я, не дожидаясь, пока Агата сама признается. — Тёмные искры, что следовали за вампирами, — не твои подопечные.

— Откуда тебе знать?

— В городах, где я бывал, тёмных душ хватало задолго до нашего восстания. Инквизиция на них охотилась, вытравливала, как заразу, хотя большинство из них жили среди людей, не причиняя зла. Я думаю, когда появились вампиры, тёмные примкнули к ним в желании отомстить инквизиторам. Око за око!

— Но люди говорят, что досталось всем…

— Иначе не бывает, — хмуро заметил я. — Начинали с одних, но затем пьяная от крови толпа карателей не может остановиться!

— Но вампиры… — шепнула Агата.

— А вот это точно мы, — кивнул я. — Некромант превращается в вампира, если был нарушен нерушимый обет. Его искра искажает плоть носителя, коверкая саму суть естества, извращая сознание. С той поры им движет лишь жажда — он должен найти мормилая, который предал хозяина, и выпить его кровь. Я читал, что жажда снедает его, причиняя чудовищную боль.

— Ал… — Агата осеклась, едва не назвав меня настоящим именем вслух. — Муж мой Людвиг, — проговорила она, и я вдруг заметил, что скорбь и страх на миг сменились кокетством и игрой. — Как же так сталось, что сразу столько некромантов нарушили нерушимый обет?

Нас никто не мог слышать, мы говорили очень тихо, а спереди и позади окружали верные Агате мормилаи из нашей группы, но всё же предосторожность не была излишней. Я заговорил вновь очень тихо.

— Когда мы восстали, освободив мормилаев из плена, те из них, кто ещё был на службе хозяев, у кого осталось тело в Прималвер, вышли из подчинения. Души покинули связанные тела. Это значит, контракты с этого момента нарушены. Ты понимаешь, милая? Это десятки некромантов, ставших вампирами! Мы собирались убить их всех, но само наше восстание

положило конец правлению тех из них, под чьей волей в настоящее время томились мормилаи, кто имел действующие контракты.

— Это существенно приблизило нашу цель, — задумчиво протянула Агата.

— Но создало ещё больше проблем, — заметил я.

— Церковь встанет на дыбы, — согласилась Мытея.

— И будет лютовать почище прежнего, — кивнул я. — Но плохо и другое. Нас будут искать одурманенные жаждой вампиры, а мы разделились…

Агата потемнела лицом. Её скулы заострились, а взгляд едва не метал молнии.

— Это плохо, но все, вернувшиеся со мной, сами избрали этот путь. И они не беспомощные птенцы. Каждый, кто смог выжить в Амбраморкс, стоит десятка инквизиторов. И всё же, мы виноваты… перед ними, — Агата мотнула подбородком, указывая на вереницу людей перед нами. — По нашей вине они потеряли дома и близких.

— Мы не могли знать и половины законов мироздания, исковерканного предательницей и убийцей — Эвт! — возразил я. — По её вине и её воле творится и это, и то, что ещё грядёт!

— Может, и так, — задумчиво протянула Агата, прикрыв глаза. — Может, и так.

На этом разговор прервался. Женщина позади снова начала кричать, так ненадолго забывшись тяжёлым сном, и Агата отправилась её успокаивать. Вскоре на пути попалась захолустная деревушка. Совсем крохотная, на четыре дома, она расположилась неподалёку от тракта, между полем и небольшим озером. Вереница людей тянулась мимо, но кто-то отделялся от общей массы, дабы заглянуть к сельчанам в поисках съестного.

— Надо тоже зайти, — сказал я, когда мы поравнялись с деревушкой.

— Нам не нужна пища, — тихо возразила Агата.

— Не за этим. Что-то мне не нравится, не могу понять, что. У меня плохие предчувствия.

— Тогда идём.

Когда дошли до первого же дома, я понял, в чём дело. Конечно же, это не было предчувствием. То был опыт военного, который безошибочно подсказал, что в деревне горе. Обычное человеческое горе, какое случается на войне среди простого люда, оказавшегося на пути фуражиров чужой армии, с той лишь разницей, что вместо вражеской армии мимо брели ещё вчерашние земляки, нынче ставшие хуже воров и злее любого противника.

Деревеньку замыкал в кольцо невысокий плетень. Первый же встреченный дом наполовину сгорел. Его совсем недавно потушили, и от брёвен ещё тянулся пар. Ставни и дверь были сорваны и тут же разломаны на дрова. Несколько кострищ ещё теплились. Рядом валялись обглоданные и чёрные кости, на вид небольшого поросёнка, наверное, отобранного у местных. Во дворе валялись обрывки одежды, опрокинутый на бок сундук, выпотрошенный, словно рыба. Прочие дома выглядели не лучше. Повсюду бродили задумчивые и молчаливые стервятники из числа наших спутников поневоле. Я замер, насилу перебарывая желание перебить всех и каждого, кто сворачивал к несчастной семье, обездоленной в одночасье. Пройдясь между домами, я остановился у самого большого строения. Что-то в нём было не так, словно шлейф от обрушенного на деревню горя тянулся именно из этого места.

Обойдя здание со всех сторон, я обнаружил дверцу в погреб. Она не была заперта. Дёрнув на себя, я тотчас уловил ещё робкий, но отчётливый запах разложения. Сапоги понесли меня по ступеням вниз. Было темно, но мне и не требовался огонь. Я прошёл мимо разорённой кладовой и остановился перед массивной дверью, ведущей на уровень ниже, в помещение, где хранили лёд. Рука дёрнула на себя ручку, а разум застыл в ожидании. Всё оказалось именно так, как я и предполагал. Посреди крошечного подвала размерами полсажени на сажень лежала груда тел: старики, мужчины, женщины, трое подростков. Пятнадцать человек. Я медленно затворил дверь, а затем вернулся наружу.

— Что там? — спросила Агата, и так всё прочитав в моих глазах.

— Местные, — буркнул я, продолжая изучать деревню.

Взгляд зацепился за распахнутые ворота овина. Приблизившись, я принюхался. Мертвенный смрад не тронул этого строения, но здесь было что-то иное. Чуткого уха мормилая в опускающихся на мир сумерках достигло прерывистое, подавляемое страхом дыхание. Выйдя на улицу, я заметил, что пока бродил среди разграбленной деревни, караван прошёл мимо. Последние мародёры, не солоно хлебавши, уходили прочь. Тогда я подозвал Агату и вместе с ней вернулся в овин. Это был трудолюбивый род. Сена оставалась ещё с лихвой до конца зимы и даже с запасом. Под потолком засохшими вениками свисали охапки луговых трав и цветов. На полу валялись перевёрнутые лохани для кормления скотины, поломанные оглобли от саней, конечно же, украденных.

— Выходите, — сказал я громко. — Мы вас не тронем, а попытаемся помочь.

Агата вопросительно покосилась на меня в опустившейся тишине, а затем устремила взгляд туда, куда смотрел я. В углу овина копна сена слегка похрустывала время от времени.

— Идите сюда, солнышки, — мягко и ласково проговорила Агата. — Мы поможем вам, обогреем и защитим.

Агата глядела в угол, не отрываясь. От неё и вправду исходили волны тепла и благодати, словно женщина не на словах, а делом могла что-то исправить в жизни несчастных сирот. Наконец, из укрытия показался маленький мальчик. Ему оказалось лет шесть, не больше. Следом, нехотя и трясясь, как от лихорадки, появилась сестра. На вид она была почти взрослой, но по детскому личику я понял, что это далеко не так. Лет двенадцать. Подол её платья ниже живота был окровавлен. Девочка смотрела на меня… мужчину с затаённым страхом, её губы дрожали, а тоненькие ручки бессильно теребили косичку.

«Вот тебе и земляки, — подумал я, наблюдая за трясущимся от ужаса изнасилованным ребёнком. — Вот тебе и беженцы».

— Я оставлю вас, — сказал я, обращаясь к Агате. — Впереди ночь. Спешить уже некуда. Заночуй с ними, а мы будем охранять деревню.

— Хорошо, — тотчас согласилась Мытея.

Выйдя во двор, я подозвал к себе остальных проклятых.

— Анка и Сорина, — обратился я к женщинам. — Идите в тот дом, наведите там порядок. Уберите грязь, соберите осколки посуды. В общем, разберётесь.

Женщины кивнули и удалились.

— Пётр, Раслав, Марик, будете сторожить во дворе всю ночь. Если кто-то ещё попытается войти в деревню, гоните. Что-то скажут против, набейте морду.

— А ежели оружные?

— Вы тоже не голые, — возразил я. — Маскарад можно кончать. Всем достать оружие.

Дождавшись утвердительного ответа, я направился в погреб с мертвецами. Близилась ночь. Мои чувства обострялись, а чутьё некроманта щекотало ноздри. Покойники в подвале мерещились во тьме даже сквозь стены. Когда я снова открыл дверь, где неизвестные гады устроили братскую могилу, скидав трупы убиенных селян, то тела показались мне светящимися. Призрачное мерцание манило, призывно шепча запретные слова. Войдя внутрь, я плотно запер за собой дверь, подперев её доской и булыжником. Давно застывшее сердце будто ожило, хищно и неистово застучав в грудной клетке. Рот наполнился слюной, а руки нетерпимо чесались. Я знал, зачем пришёл и не мог себе врать. Я хотел этого. Всё было решено, едва я увидел сирот живыми.

— Будь проклят я и весь этот уродливый мир, — прошептал я и начал ритуал.

Глава 3

Многие ужасы и отвратительные поступки свершаются из псевдодоброты. Она же — худшая из лжи, где за кажущейся доброжелательностью всегда стоит лишь расчёт и равнодушие.

Земля под ногами трескалась, то и дело обнажая дрожащие артерии из магмы, поднимающейся сквозь кипящие недра на поверхность. Чёрное солнце, никогда не дававшее тепла, а лишь призрачное и тусклое, наполненное тленом свечение, теперь походило на раскалённый кусок металла. Багрово-красное, дрожащее в нагретом воздухе, оно готово было взорваться в любой момент, погребая под жидким металлом несуществующую вселенную и планету.

Низкий и тяжёлый утробный рокот пронзил пространство. Колючий и горький воздух скрадывал звук, поглощая его в объятия дыма, который тянулся от сотен и тысяч пожарищ. Я не чувствовал себя, не ощущал, пребывая в эфемерном бестелесном состоянии на грани яви и реальности. Раскат грома, донёсшийся из ультрамариновой воронки, заменявшей небо, сотряс, казалось, саму основу этого мира. Взвыли от боли вековые камни, раскалываясь в прах на мельчайшие частицы, что уносил прочь бушующий ветер. Новая волна рокота, звучавшего в отдалении, показалась мне отчаянным воплем.

«Он зовёт кого-то, — подумал я. — Почти плачет».

«Он в ярости», — шепнул чей-то лишённый эмоций и обезличенный голос.

«Он ранен», — подсказал некто другой, такой же бесцветный и безразличный.

«Он умирает», — заключил третий голос, в котором я с удивлением узнал себя.

Копоть разъедала несуществующие глаза, призрачные руки беспомощно поднимались и опускались, не в силах закрыться от потоков горячего ветра. Я продирался сквозь кусачий и кислый мрак, с каждым мигом приближаясь к источнику рокота. Частота повторений увеличивалась. Он ревел всё громче и горше, уже почти безостановочно. Ослепительной вспышкой мир пронзил росчерк молнии, с запоздалым эхом долетел отголосок грома в воронке торнадо, пожирающей небеса.

Я замер, не в силах ни дышать, ни сопротивляться увиденному, не имея воли ни отвернуться, ни бежать прочь. Передо мной лежал павший титан, сражённый колосс, чьё непобедимое тело так и не пронзил вражеский клинок. Не существовало такого клинка, что мог бы пробить прочную кожу того, кто многие века наводил ужас, царствуя в призрачных землях. Дулкруд умирал. Тело гигантского змея простёрлось на раскалённых, будто угли в печи, осколках некогда величественного храма. Тысячи рук, собиравших кровавую жатву, иссохли и отмерли, гниющими культями чудовище бессильно раскидало их окрест себя. Нити оборвались и спутались, оплетая хозяина, будто бы путы, коими его сковали неизвестные пленители. Закрученные в спираль рога оказались надломлены, по ним уже не пробегали росчерки молний.

В лицо ударил столп зловонного смрада. Казалось, сама тьма вокруг тела умирающего бога клубится, старательно его пережёвывая. Но нет. Приглядевшись, я понял, что это его воинство — вчерашние тюремщики, перебирая ороговелыми отростками на телах, копошатся в снедаемом агонией гноящемся теле, заживо пожирая утратившего власть хозяина. Гортанный рёв повторился вновь. Я ощутил на себе тяжёлый, полный отчаяния взгляд. Он не мог меня видеть, но чуял, ощущал причастность к своему горю, но уже не имел сил ни для того, чтобы злиться, ни даже ненавидеть.

«Что же они… она с тобой сделала? — подумал я, бесстрастно наблюдая за уходом в небытие ночного кошмара таких, как я. — Немыслимо… Но как?».

Вдруг остатки света померкли. В голове полыхнула вспышка, за которой последовала волна нестерпимой боли. Разум испуганно ахнул, запираясь на тысячи засовов, но пока ещё властный, хоть и ослабший голос зашептал в моих ушах. Его голос взлетал и падал, темп ускорялся и замедлялся, он запинался и повторялся, теряя нить повествования, бормоча на неизвестных мне языках. Но чем дольше я слушал его, тем яснее был смысл, а горечь от истины нестерпимо резала несуществующий язык, словно глоток яда прожигал дрожащую плоть.

«…Сила одного была разделена на три части… Они стали равны друг другу, но, когда началась война, Он расколол себя ещё надвое, создав меня...».

«…Затем пришёл и мой черёд. Я создал вас, чтобы однажды собрать воедино осколки… когда всё закончится».

В сознании возникло видение. Девять человек в могильных саванах стоят на коленях вокруг исполинского змея. Увенчанная сверкающими рогами голова чудовища покачивается в такт неслышимой музыки. Эманации силы толчками исходят из тела змея, а культисты склоняют головы, принимая в дар его силу.

«…Она обманом завладела моим разумом, заставила выдать все тайны, прочитала судьбы тех, кого я созвал…».

Новая вспышка в тусклом сознании. Прекрасная дева, пылающая во мраке словно факел, ступает по разрушенным улицам проклятого города и мира.

«…Каждый восстал на каждого, они делили себя, порождая осколки… Осколки снова кололи на осколки, пока те не стали смертны…».

Перед моими глазами текли вереницы лет. Огромные армии сталкивались на полях битв, сменялись поколения, дети приходили на место отцов, вновь и вновь отдавая жизни, пока над их судьбами довлели незримые пальцы кукловодов. Они вселяли в их сердца ненависть, порождали в умах смятение, сеяли бессмысленный раздор. Среди них шли в бой пылающие словно факелы генералы и священники, а навстречу восставали мрачные и тёмные сущности. И не было числа смертям везде, где они встречались, а пламя раздора горело лишь ярче.

«…Я собирал их здесь… Годами… А она крала, затуманивая мой разум… Она! Она обманула меня! Она приказала мне… брать всех подряд… не только осколки… забирать простые души… мормилаев… Это они придумали… кормить меня, так… Нарушив Великий план…».

Холод сковал мои мышцы, а в глубине души поднялась волна отчаяния и жалости. Я вдруг понял и осознал всё. Каждую деталь этого изуродованного, исковерканного мирка. Всё было обманом и кривым зеркалом истины. А Дулкруд — лишь падшим титаном, которого надломило не поражение в битве, а мысль о фактическом предательстве им собственного служения.

«…Потом явилась другая… Она не приказывала… Но я отдал сам всё то, что сберёг, что у меня не отняли обманом… Все осколки, что не украла одна, я отдал другой…».

В голове возникло лицо. Столь милое сердцу и близкое, что я едва не закричал от радости. Вспышка надежды и ясности тотчас поблёкла. Я отчего-то устрашился, что могу выдать что-то, чего даже не помнил, а возможно, и не знал.

«…Она очистила их души и выпустила обратно… Теперь я умираю… Мне не жить без осколков… Остался последний… Его… Во мне… Забери… Прошу… Прямо сейчас…».

Волна страха прокатилась по моему позвоночнику. Я замер, что есть мочи зажмурился, понимая, что это не поможет… Но вдруг стало легче. Тьма стала тьмой, выбросив за границы яви тело павшего колосса, его крики и мольбы. Глаза были плотно зажмурены. Я досчитал до десяти… а затем ещё трижды повторил это действие.

«Просто так, — сказал я себе. — На всякий случай».

Открыв глаза, я тотчас замер. Дулкруд лежал передо мной. Изорванное тело всё так же смрадно воняло, перебитые руки бессильно раскиданы окрест распадающегося на глазах тела.

Я вдруг понял, что тело змея, ещё мгновения назад казавшегося мне гигантским порождением ужаса, стало меньше. Он угасал с каждым мигом, с каждым дуновением ветра, уносящим тлетворный дух гниющего мяса. Руки потянулись к нему против воли. Пальцы без труда пронзили плоть, раскрывая рёбра. На ладони лежало потемневшее, иссиня-чёрное сердце. Оно едва заметно содрогалось, продолжая биться, но сокращения становились реже и реже с каждым ударом. Я понял, что оно вот-вот остановится. Зубы вгрызлись в омерзительную дрожащую массу, по губам потекла ядовитая и вязкая кровь. Змей тяжело застонал, выгибая изуродованное тело кольцами, но хрящи и кости с хрустом лопались, уже не подчиняясь. Я вгрызался глубже и глубже, забыв отвращение, не чувствуя вкус, пока не пожрал сердце павшего титана целиком. В груди возникла резкая боль, усиливающаяся с каждым мигом. Я пошатнулся и упал на спину, заходясь тяжёлым кашлем… Вскинул руки, хватаясь за горло, и обмяк, чувствуя, как жизнь уходит из тела. Последним, что я помнил, были слова, нашёптанные моим разумом. Они эхом разносились над тлеющими углями призрачного мира, со звоном ударяясь о ветхие стены и тяжёлые камни:

— Амбраморкс принадлежит мне. Так сказал я — Великий Дулкруд.

Я резко сел, чувствуя омерзение к себе и миру. Волна непередаваемой, душераздирающей тоски исходила изнутри, заставляя мысли оступаться, путаться. Я глянул на мертвеца, выбранного для создания мормилая. Его раны медленно затягивались, на глазах образуя белёсые рубцы. Разблокировав дверь, я поднял тело и вытащил из погреба наружу.

«Ещё не хватало, чтобы первым, что увидит после пробуждения несчастный, была перебитая родня, — размышлял я. — Пускай сперва увидит детей».

Я ни минуты не сомневался, что безошибочно определил, кто из мертвецов отец брата с сестрой. Мальчик и мужчина были на одно лицо. Сзади раздались тихие шаги, я обернулся. Через двор ко мне медленно и чуть рассеянно брела Сорина. При жизни ей было… наверное, не больше тридцати. Белоснежная и пышная грива волос покачивалась при каждом шаге, маленький рот и крошечные губы, как всегда, были поджаты, словно она боялась о чём-то проговориться, дымчатые, чуть серебристые глаза смотрели уверенно и властно.

«Интересно, кем она была до вселения в это тело? Наверное, кем-то важным, раз её решили использовать и после смерти. Довольна ли новой внешностью? Ведь для женщин это так важно».

Подойдя, Сорина остановилась, осматривая тело мужчины, лежащее подле меня. Метнув на меня раздражённый и, как мне показалось, испуганный взгляд, она тихо проговорила:

— С уборкой закончено.

Она развернулась, уже собираясь уйти, как вдруг остановилась и добавила:

— Я почувствовала, что происходит под землёй… — Женщина мотнула головой в сторону дома с погребом. — Я не знала, что именно, но догадалась. Я слышала его крики!

— Никто не кричал, — спокойно возразил я.

— Я не говорю про тело… Его душа…

— Не забивай себе голову тем, что тебя не касается, — отрезал я.

— Да я не про то, — резко и с обидой в голосе проговорила Сорина. — Я почувствовала, значит, другие тоже! Кричала душа, такая же, как наши! Ты навлечёшь погоню, если будешь неосмотрителен.

— Хорошо, я понял, что ты имеешь в виду. Иди.

Метнув на меня последний, полный недовольства взгляд, Сорина удалилась. Подняв тело, я зашагал к дому, в котором поручил женщинам уборку. На пороге появилась Анка. Встретив меня, она коротко поклонилась, пропуская в дом, а затем прикрыла за мной дверь. Анка была старше Сорины лет на десять. Не сказать, чтобы красивая, но интересная женщина. Полные щёки и груди, коротко подстриженные кудрявые волосы. Глянув на тело, что я тащил, она тотчас всё поняла, жестом призвав за собой. Подле печи, расположенной у северной стены

дома, располагалась двуспальная кровать и несколько лавок поменьше, да попроще. Я уложил тело мужчины на постель. Анка заботливо стащила с его ног башмаки, а затем, покачав головой, принялась стаскивать и одежду. Я безмолвно помогал ей, приподнимая тело.

— Я бы застирала, но кровь уже высохла. Пятно останется, — наконец заговорила Анка. — Лучше просто сжечь.

— Другая одежда есть?

— Упёрли всё, что к полу не прикручено, — с досадой ответила женщина. — Совсем дрянь оставили, но ему-то теперь какая разница…

Меня поразило до глубины души то, что Анка моментально поняла, кто это и зачем он здесь. Она не задавала вопросов, не пыталась меня винить или отговаривать. Женщина делала то, что ей поручено, проявляя дюжую внимательность и участие к ситуации.

— Занимайся, — пробормотал я и вышел наружу.

Обойдя выставленные посты, я позвал за собой Петра. Приведя его в погреб с трупами, я принялся вытаскивать убитых на улицу. Мормилай без вопросов последовал моему примеру. К счастью, хозяйственные инструменты оказались последним, чем могли заинтересоваться городские мародёры. Мы без труда отыскали пару заступов и кайло. К рассвету на холме неподалёку от деревни высилась свежая насыпь над братской могилой. Иной раз я, быть может, и настоял бы на том, что каждому мертвецу нужна своя собственная, но не теперь. Тоска, что снедала душу и холодила разум, никуда не делась. Я думал, что за рутинными делами, которые всё равно необходимо было выполнить, она пройдёт, но нет. Даже сознание того, что в овине меня дожидается Агата, не приносило облегчения. Хотелось поскорее её увидеть, но я знал, что только перепугаю детей, которые наверняка полночи не спали, сумев забыться лишь под утро от усталости. Когда врата овина всё же отворились, меня встретил строгий и цепкий взор. Агата подошла ко мне и процедила сквозь зубы лишь одно слово:

— Зачем?

— Детям нужна защита.

— Мы могли взять их с собой.

— Это исключено. С нами намного опаснее. С детьми останется отец. Лучший отец в мире. Он выполнит любое приказание дочери и, если потребуется, вновь отдаст жизнь за детей.

— Алёша… — вздохнула она. — Ты без пяти минут последний некромант на земле… Но уже играешь чужими судьбами!

— Это не игра, — возразил я.

— А мне кажется, что для тебя да! — вскричала она. — Я не затем освобождала души в Амбраморкс, чтобы ты снова их проклинал!

— Кстати, ты так и не рассказала мне, как так случилось, что тебе это оказалось по плечу, — не без тени усмешки попытался сменить тему я. — Может, сейчас подходящий момент?

— Может, и да, — сосредоточенно проговорила она, глядя на дом, где спал новоиспечённый мормилай. — Но тебе не удастся увильнуть от ответа.

— Вот как ты заговорила…

— Да, так! Ты не можешь ломать чужие судьбы! Это не твои игрушки, они…

— А ты, значит, можешь? — наконец вспылил я, повышая голос. — Как насчёт тех душ, что лишились тел, когда я впустил вас в мир? Их жизни не важны?

— Это необходимая плата…

— Око за око?

— Нет… Ты сам знаешь, что всё сложнее… К тому же, они не были прокляты, а значит, не будут страдать, как мы, томясь в Амбраморкс, и родятся снова! Они не станут пищей для Дулкруда.

— А вот тут я тебя обрадую, Дулкруд — мёртв, — быстро сказал я, следя за её реакцией.

— Откуда… Подожди… — бормотала Мытея. — Что?! Как ты это узнал? Ты уверен?!

За её спиной послышалось шуршание. Глянув через плечо Агаты, я заметил, что из овина выглядывает мальчишка. Громкие голоса разбудили его.

— Не сейчас, — буркнул я. — Сначала уйдём.

— Жди здесь, котёнок, — мягко и в то же время властно сказала Агата, обернувшись к ребёнку. — Мы скоро вернёмся. Храни покой сна сестры.

Мальчик важно кивнул и исчез в овине. Взяв Агату под руку, я повёл её прочь, остановившись лишь когда мы оказались у братской могилы селян. Первые лучи солнца уже касались всё ещё влажной земли. Здесь, на возвышенности, последствия чудовищного паводка ощущались не так, как в низине. Почва не была омерзительно вязкой, а молодая трава зеленела, протягивая юные побеги к свету.

— Меня призвали грёзы этой ночью, — проговорил я, глядя на свежую могилу. — Сразу после создания мормилая разум затуманился. Я видел его. Муравьи и многоножки… эти… ну, ты поняла… пожирали тело Дулкруда. Затем, когда появился я, они разбежались, словно их что-то напугало. В моих грёзах этой ночью он почему-то был меньше, чем раньше… Либо я был больше. Он отдал мне своё сердце, сказав, что в нём последний осколок, и мне нужно его принять.

— Что было потом? — с тревогой осведомилась Агата.

— Я его принял. То есть съел.

— Не понимаю… — протянула Мытея. — Эта тварь прожила сотни лет, будучи тюремщиком для мормилаев, но стоило нам сбежать…

— Он не был тюремщиком, — возразил я. — Дулкруд всего лишь одно из творений — отражение, если я всё правильно понял. В нём зла не больше, чем в тебе или мне. И цели его изначально не были связаны ни с пленением, ни с уничтожением душ мормилаев. Дулкруда обманули, и это была Эвт. Он являлся одним из самых сильных отражений, поскольку его создал сам Лот. Зачем? Видимо, всё для того же пресловутого «Великого плана». Мы мало что сможем об этом узнать теперь, но мне удалось уловить суть.

— Но почему он умер?

Агата смотрела на меня в ужасе, не веря собственным ушам.

— Он сказал, что ты увела осколки, а без них ему не жить.

— Не понимаю, — протянула Агата.

— Я и сам мало понимаю, — признался я. — Я даже не знаю, что там было с тобой.

— Алёша, я всё расскажу тебе, но это не история на пять минут… Прошли годы…

— Я понимаю, — кивнул я, прижимая Мытею к себе. — Но есть догадка относительно него.

Агата подняла на меня встревоженный взгляд.

— Сила некромантов кончается там, где они сами подвержены проклятию — нарушение верности. Если мормилай убивает хозяина, то некромант становится жертвой проклятия Дулкруда. Зачем это хозяину Амбраморкс? Что за странная форма восстановления справедливости? Полагаю, убить хозяина может только особый мормилай — осколок, отражение, душа, которая сама таит в себе частицу первородной силы создателя Лот. Так Дулкруд их искал и собирал. Пожирание тут ни при чём. Он ими не питался в привычном смысле. Он выполнял совершенно конкретную миссию. Но когда Дулкруд лишился всех осколков — частиц душ отражений, которые собирал, он тоже в каком-то смысле нарушил договор со своим создателем и пал.

— Так почему он выбрал тебя? — прошептала Мытея.

— Понять бы ещё для чего, — хмуро ответил я. — Мне больно, Агата. Мой разум сжигает такая тоска, что желание убить себя куда как сильнее, чем даже любовь к тебе. Я ощущаю безмерную скорбь и… голод.

— Мне это не нравится, — призналась она.

— Мне тоже.

— Что было потом? После того, как ты забрал его сердце.

— Ничего… Я очнулся здесь, ощущая себя как паршивая собака под дождём.

— И всё? Ты уверен?

— Ну, была одна странная фраза… Её сказал некто, когда меня почти выбросило на поверхность: «Амбраморкс принадлежит мне. Так сказал я — Великий Дулкруд».

— Но кто произнёс эти слова? — прошептала Агата.

— Кажется, это был я.

Глава 4

Нельзя очнуться умным и просветлённым в одночасье. Всё достаётся по крупице, шаг за шагом. Пробуждение же ума происходит лишь тогда, когда он сумел выйти за собственные пределы.

Едва завидев отца, дети с визгом бросились ему на шею. Сын с разбегу врезался в мужчину и плакал навзрыд, стискивая крошечными кулачками его рубаху. Дочь застыла на полпути, давая волю эмоциям брата. Потупившись, она смотрела на отца, всё ещё не веря собственному счастью и горю одновременно.

— Говори с ним так, чтобы ему было проще что-то делать, не отвечая, либо давать односложные ответы, — кивать или мотать головой, — поучала девочку Мытея тем ранним утром. — Однажды брат всё узнает, ты сама должна будешь ему рассказать. Придёт время, когда он станет защитой и будет приглядывать за тобой. Но, прошу, оставь ему детство сейчас. Я знаю, как обошлись с тобой, так будь же сильной и спаси брата.

— Он будет спрашивать, почему папочка не говорит, — затравленно отвечала девочка.

— Папочка простудил горло и не может.

— Но это же навсегда.

— Даже такое бывает.

— Не знаю, справлюсь ли я, — бормотала перепуганная девочка. — Вокруг никого… Мы одни… Даже когда были живы остальные, они не справились, не защитили нас!

— Потому что они не были готовы к худшему, — твёрдо отвечала Агата. — Твой отец теперь видел самое худшее. Он никогда не дрогнет и уложит хоть десятерых, лишь бы спасти вас. Помни, важнее всего команды! Если боишься, не знаешь, как быть, говори просто — «защищай нас»! И он всё сделает сам.

Отец стоял как вкопанный, не обращая внимания на терзающего его сына. Наконец, сестра опомнилась и мысленно позвала его:

«Папочка, это я. Здравствуй. Папочка, милый, защищай нас от всего на свете. И, пожалуйста, погладь уже Волика. Гладь его всегда, так как делал это раньше… Вдруг я забуду и не скажу вовремя, папочка! Я… мне… так страшно! Ведь это ты, папочка? Ты?».

У мужчины шевельнулись губы. Он натужно улыбнулся и поглядел вниз на сына, чуть вздрогнув, словно только теперь его заметил. Рука потянулась, будто против воли, взлохматив волосы мальчика.

«Наклонись и возьми его на руки, — мысленно проговорил я. — Теперь ты живёшь так. Тебе приказывают, ты подчиняешься. Не так уж и плохо. Большинство из живущих кланяются и выполняют чужие приказы. Храни их покой, заботься. Я отвожу тебе семь лет. Затем твоё тело распадётся, и ты уйдёшь. Я буду ждать во мраке, по ту сторону бытия, и дарую покой. Но знай, если предашь клятву, я вернусь, найду тебя и сожру твою душу».

Он смотрел на меня привычным для мормилая хладнокровным взглядом. Однако, клянусь, я почувствовал негодование, взметнувшееся в его душе от угрозы. Агата тоже не сводила глаз с мужчины, изучая танец теней в до боли знакомом амулете, в котором когда-то закрылась дверца для её собственной души на пути в Амбраморкс. Когда я впустил мормилаев обратно в мир, то заметил, что наши с Агатой амулеты очистились. Оправы не разрушились, но камень стал прозрачным, словно слеза. Я знал, что в конце концов Мытея поймёт меня и одобрит это решение, пусть даже в глубине души, согласившись с тем, что некромантия может служить правой цели.

Распрощались сухо и скупо. Дети слишком боялись, чтобы благодарить, да и стоила ли благодарности моя услуга? Девочка поспешила в дом, едва мы вышли за плетень, увлекая за

собой брата и отца. Её брат задержался на миг и весело махнул мне рукой. Я лишь неловко поднял руку в ответ.

«Однажды он узнает, кому улыбался в тот день, — подумал я. — И проклянёт моё имя. Впрочем, он так его и не узнал».

Брать что-то у тех, кто и без того обездолен, не поднималась рука. Но всё-таки я настоял на том, чтобы одну наспех подлатанную телегу мы присвоили. Сбросив туда пару лопат, лом, тяпку и вилы, да пару пустых клетей для птицы, наша группа двинулась в полный опасностей и неизвестности путь.

— Им это пока без надобности, отец не растерял навыков, усвоенных при жизни. Он смастерит для них всё, что потребуется. А нам нужно поддерживать легенду. Мы — обнищавшие крестьяне, лишившиеся дома, идущие в столицу в поисках лучшей жизни, — сказал я.

Агата лишь согласно кивнула. Не было сомнений, что она так и не приняла моего решения и злилась в особенности на то, что я не посоветовался с ней, поднимая из мёртвых мормилая. Оставив деревню позади, мы двинулись по следам беженцев. Тракт всё ещё представлял из себя развороченное сотнями ног и колёс месиво, а потому двигались мы очень медленно. Без лошади волочить хоть и пустую телегу было непросто. Пётр, Марик и Раслав по очереди несли это бремя. Я чувствовал их недовольство, гнев и ненависть, но мормилаи не смели прекословить.

Дорога петляла между холмов, ныряя в перелески, пронзала равнину, а затем тянулась всё дальше и дальше среди худощавых, изглоданных по зиме зайцами берёз. Мы часто встречали следы недавних стоянок наших предшественников. Тракт превратился в одну большую свалку. Бежав с насиженных мест, люди похватали всё, что успели с собой взять, то, что имело хоть какую-то стоимость. Но в дороге у многих произошло переосмысление ценностей. То, что казалось ещё вчера значимым, сегодня летело на растопку или попросту бросалось на обочину. Среди углей кострищ встречались недогоревшие останки некогда дорогой мебели, в грязи валялся вычурный оловянный подсвечник, поломанный и погнутый, будто хозяин в сердцах пытался выместить злобу на ни в чём не повинном предмете. Таких находок было не счесть.

На второй день пути начали попадаться трупы. Сперва мы повстречали несколько недавних захоронений в стороне от дороги. Шесть одиночных могил с наспех справленными табличками. Затем обнаружили ещё одну, в отдалении, но тоже совсем свежую, ко всему прочему без подписи, засыпанную солью и пеплом. Первой мыслью было, что один из умерших относился к какому-то культу, требующему подобной церемонии захоронения. Однако, изучив местность, я обнаружил многочисленные следы боя. Местами землю обильно покрывала засохшая кровь. Кто-то обронил пистолет, тотчас втоптанный во влажную почву. В одном костре я обнаружил не до конца прогоревшую повязку, насквозь пропитанную кровью. Неизвестный пожелал сжечь её, но слишком торопился и просто бросил в огонь, уходя и оставляя его без присмотра.

— Кто мог на них напасть? — заговорила Агата после долгого и тягостного молчания.

— Кто угодно, — холодно заметил я. — Сейчас все как с ума посходили.

— Нужно знать наверняка, — упрямо проговорила Агата. — Мы должны быть готовы к угрозе.

— В таком случае, хорошо, что мы захватили с собой заступ.

— Ты же не собираешься осквернить могилы? — тихо прошептала Агата.

— Только одну из них. Хотя… как пойдёт, — ответил я, попытавшись улыбнуться.

Вышло скорее зловеще, чем дружелюбно. И всё же Мытея не стала спорить, она понимала, что узнать, от чего умерли те, кто здесь погребён, крайне важно. Пётр и Марик, вооружившись лопатами, встали рядом со мной.

— И аккуратно, — буркнул я, приступая к делу. — Начнём с той, что посыпана солью.

Почва была мягкой. Заступ без труда проникал сквозь земную плоть, выхватывая объёмные ломти чёрной и совсем ещё влажной массы. Шесть пар рук монотонно взмахивали и опускались. Вскоре нос защекотал знакомый запах.

«Тьфу, ты, кислятина! Что за мерзость? — подумал я. — Что-то до боли знакомое, но что-то никак не припомню».

Вскоре нам попался первый элемент головоломки — рука, вернее её плечевая часть. Кожа сильно обожжена, но плоть так и не прогорела. Мышцы развиты настолько, что и в кошмаре не представить силу человека, который ими обладал.

«Его попытались сжечь, но то ли не хватило времени, то ли древесины, — продолжал размышлять я. — Потому закопали, опасаясь оставлять эту красоту на поверхности».

Наконец, моё предположение подтвердилось. Мы нашли фрагмент черепа существа. Назвать это человеком уже язык не поворачивался. Я замер, изучая размозжённый выстрелом в упор из чего-то вроде бландербасса осколок лицевой кости. Кожа и мясо тоже оказались сильно обожжены. Однако сохранился участок челюсти, хранивший ответы. Острые и непомерно длинные клыки красноречиво говорили об обладателе таких зубов.

— Караван атаковал вампир, — резюмировал я. — Как минимум один. Полагаю, если мы раскопаем остальные могилы, то найдём простых людей, которые стали жертвами.

— А зачем его засыпали пеплом и солью? — задумчиво глядя на останки, осведомилась Агата. — Он ещё может подняться в таком-то состоянии?

— Как видишь, без посторонней помощи — нет, — ответил я, покачав головой. — Я не чувствую ни искры, ни души. Здесь совершенно пусто.

— Он мог напасть на нас, но обогнал и атаковал караван, где много людей. Почему? — подала голос обычно молчавшая Сорина.

Поймав мой взгляд, блондинка с удивлением приподняла брови. Она общалась со мной, как с равным, запросто вступая в разговор. Для неё это казалось вполне обыденным, но что-то внутри меня запротестовало. Ещё при жизни я не был слишком знатен или богат, мелкий аристократишка, седьмая вода на киселе. Потому-то мне сразу стало понятно, кто, а точнее, что ощерилось тысячей игл и зубов, когда простой мормилай посмел заговорить сам.

— Вампир ищет конкретного мормилая, которому удалось сбежать благодаря нашим с Агатой усилиям. Честно говоря, я даже не уверен, сможет ли вампир его теперь учуять или узнать. Мытея очистила ваши души. Вы не прокляты в обычном смысле этого слова.

— Так мы живы? — хватаясь за мысленную соломинку, горячно, едва не прокричал Пётр.

— Слишком много вопросов вы задаёте, — процедил я сквозь зубы, вновь с трудом перебарывая гнев. — Я ещё не окончил с первым. Так вот, наши с Агатой амулеты очистились, полагаю, с вашими тоже самое. А значит, связь с некромантом, создавшим мормилая, прервана. Потому-то они и обезумили и рвут всех подряд. Они не чувствуют след!

— И всё-таки… — нетерпеливо начал было Пётр, но я так злобно на него зыркнул, что мужчина осёкся на полуслове и замолчал.

— Мы не живы, мы не мертвы. Что-то посередине, лишённое оков, но и иллюзий. Для того, чтобы изучить это состояние, потребуются годы. Наверняка, кто-то уже занимался подобным. Эх, найти бы такие труды, где всё просто и ясно, по полочкам… Увы. Мы бредём среди трупов и разрушений.

Порыв ветра метнул мне в ноздри запах гари. Где-то неподалёку горело дерево. Я едва не поперхнулся от мысли, что пожар снова вызван действиями нашей шайки. Вдруг ещё мгновение назад страшная, а то и постыдная, та мысль показалась мне смехотворной.

«Горит, и что? Какая разница нам? — вопросило рычащее от негодования сознание. — Всё это лишь пылинки под ногами, грязь, налипшая на подошву сапога!».

В который раз за день я мысленно одёрнул сам себя. Метаморфозы рассудка, то и дело заводящего со мной разговор то на один, то на другой лад, пугали. Во мне словно поселилось

два существа: одно цеплялось за жизнь, строя цепочки рассуждений и выводов на основе человеческой памяти, и другое — то, что никогда не являлось человеком, никогда не любило, не скорбело, не испытывало жажды. Не оставалось сомнений в том, кто есть кто. Первая сущность, прежнее я, тянулась к свету и не забыла о том, что такое добро. Новая же видела лишь цели и пути к исполнению. Я тяготел к первой, но в глубине души понимал, для дела подойдёт лишь вторая. Уж очень много полос и черт было преступлено, уж слишком дорог стал не только для нас, но и для многих других виновных и невинных тот шанс, что выпал отражениям в час, когда мормилаи восстали. Отбросив в разрытую могилу черепок, что недавно был частью лица неизвестного вампира, я поднялся, жадно втягивая ноздрями воздух.

— Вампир не напал на нас, потому что учуял родственные сущности. Не одну и даже не две.

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросила Агата.

— Дождёмся ночи здесь, — ответил я, уклоняясь от ответа.

— Но нам надо в Нутар. Что, если другие группы нас опережают?

— Если моё предположение окажется верным, то планы могут поменяться.

— В смысле? — опешила Сорина. — Что значит «поменяться»?

— Дождитесь ночи, — звенящим сталью голосом отчеканил я. — Спать нам, к счастью, не надо.

Мои слова встретило гробовое молчание. Внезапно обрушившийся порыв шквального ветра бросил в лицо освежающий поток, заставляя расправить плечи. Я только теперь понимал абсурдность происходящего. Семь человек посреди разбитого весенними ручьями тракта, ещё неостывшее от ярости поле недавнего боя, разрытая могила, ставшая последним прибежищем жуткого существа, и семеро проклятых, дожидавшихся ночи.

«Закляни вас тьма… — подумал я. — Вас… Любого, кто окажется поблизости… Кто на свою голову пройдёт мимо нас».

С карканьем пронеслась чёрная стая грачей, возвращающихся с юга. Птицы медленно пересекали небосклон, но, завидев странные силуэты внизу, дали крюк, ни то из осторожности, ни то почуяв неладное. Шли часы. Мы стояли друг напротив друга, сверля глазами глаза, ничего не говоря, застыв в томительном ожидании. Свет медленно мерк. С востока показалась свора бродячих собак или даже волков. Завидев людей, животные замерли в нерешительности. Их привело чутьё, безошибочно указав место, где была пролита кровь. Они явились полакомиться падалью, но, едва увидев тех, кто опередил, топтались, разглядывая странных людей. Послышался протяжный вой.

«Разрешения спрашивают? — подумал я. — Даже не думайте. Здесь вам ничего не светит!».

Будто почуяв невысказанную угрозу, псы развернулись, удаляясь подобру-поздорову. А небо всё темнело, окрашиваясь в алую дымку, перемежающуюся золотыми полосами. Багровое светило медленно закатывалось за синеющую вдали полосу леса. Его последние объятия оставляли на коже сладкое тепло, быстро уносимое порывами ветра. Над миром медленно и властно расстилалась тьма. Едва последний луч светила померк, мы вздрогнули, словно очнувшись ото сна одновременно. Агата вопросительно воззрилась на меня.

— Я так привык быть один, что, оказавшись в компании, потерял хватку, — улыбнувшись, пояснил я. — Мой дар, тёмное зрение, раскрывающее ночные тайны. Я не прибегал к нему с момента нашей встречи. Всё происходило столь быстро, что я даже и не подумал об этом. Угроза исходила от тех, кто лишён его. А потому не имело смысла…

— Не имело… — медленно ни то подтвердила, ни то возразила мне Агата.

Я лёг на землю, закрыл глаза и отпустил разум. Поначалу мне показалось, что ничего не вышло. Вместо привычной вязкой тьмы меня окружал свет, такой яркий, будто солнце вовсе и не уходило на запад. Но затем я глянул на них, и сердце, что пребывало в состоянии нежизни,

испуганно ёкнуло, наливаясь свинцом. Рядом стояли шесть теней, каждая из которых лучилась призрачным светом. Таким же, какой я видел у тёмных в Дракул-Тей, таким же, какой, излучая, я сам. Среди них был один силуэт, какой нельзя было бы спутать ни с кем другим. Он манил меня и отталкивал. Очаровывал и пугал. Заставлял тянуться к себе и ненавидеть провидение и прошлое. Передо мной стояла Агата. Искра её души пылала, словно звезда. Очнувшись от наваждения, я резко сел, хрипя и заходясь спазмами кашля.

— Что с ним? — вскрикнула Анка.

— Ты здесь? — участливо заглядывая в глаза, прошептала Сорина.

— Они знают? — хрипя, заговорил я, глядя на Агату слезящимися, будто от дыма, глазами. — Ты им сказала?

«Сказала, что? — хотели спросить они все, я чувствовал повисший в воздухе вопрос. — Сказать, что, о, Мытея?».

Но они не смели. Как не смели никогда, следуя за ней из царства мрака, ведомые надеждой.

— Будет лучше, если ты сам это скажешь, — кротко ответила Агата.

Я впервые усомнился в ней и в себе. Играет ли она со мной, пытается заставить солгать, может, выпытать то, что удалось узреть, или это всё проклятая душа Дулкруда, не знавшая ни любви, ни жалости, путает мои мысли? Я не знал ответа на этот вопрос, а потому, чтобы отогнать предательскую подозрительность, заговорил сам.

— Я слышал твою песню, Мытея. Слышал, как ты баюкала его, как успокаивала, затуманивала разум. Я думал всё иначе…

— Всё слишком сложно, Алёша, — прошептала Агата, подходя ближе и опуская ладони на мои горящие щёки.

— Ты забрала осколки у Дулкруда и раздала, будто подарки! В каждом из них, — продолжил я, схватив её руки, — теперь живёт тёмная искра. Такая же, как во мне.

— И во мне… — закончила за меня Агата.

— О-о-о, нет, — покачав головой, проговорил я и засмеялся.

Я хохотал, заливаясь невидимыми слезами, всласть отдаваясь истерике.

— Ни один из них… Ни даже я… Не способны сравниться с тем, что таишь в себе ты... Атраша.

Сказанное мной прозвучало подобно удару кузнечного молота. Со звоном слова резонировали между замерших от ужаса мормилаев, дребезжа и затихая с каждым отражением.

— Ты собиралась уничтожить всех некромантов на этом свете… Ведь собиралась?

— Да, — твёрдо и немного раздражённо ответила Агата.

— И поэтому ты сделала ими всех тех, кого привела с того света?! — вскричал я.

— Таков план, — с достоинством и всё ещё невозмутимо сказала Мытея.

— Великий план? — уточнил я, встав с земли и придвигая лицо к её лицу.

— Ты и сам знаешь, — сказала она и вдруг, словно надломившись, вскинула руки, закрываясь, а затем упала ко мне на грудь и взвыла, сотрясаясь всем телом. — Нельзя убить Дулкруда, можно только забрать его силу. Ты был готов, ты сам приходил туда постоянно! Твои грёзы, вещие сны, а всё потому, что ты знал — в твоей груди частица родственной ему силы.

Я отстранился, поднимая лицо Агаты, нежно взяв за подбородок.

— Атраша. Ты — она! Я не могу пове…

— Алёша, никогда больше не говори это вслух! — прошептала Агата. — Я не она! Я твоя Агата, вот всё, что нужно кому бы то ни было знать. Я твоя Агата.

— Но я чувствую…

— Мы отражения, Алёша. Не стоит мнить себя богами.

— Но ведёте себя вы как чёртовы боги, — вдруг проговорил долго молчавший Раслав.

— Играете чужими судьбами, если надо, готовы отнять десяток жизней, — согласился Марик. — Как раз плюнуть…

— Ведь таков ваш план? — вступилась Сорина. — Подчинить всех и вся? А потом…

Голос женщины дрожал, она шла на нас, заламывая руки, глядя словно сумасшедшая.

— Да. Таков Великий план, — твёрдо сказал я, закрывая Агату собой. — Теперь вы все — такие же, как мы. Тёмные искры Лота и Атраши. Потомки властителей преисподней. Если кто-то из вас считает Мытею предателем, пусть выйдет вперёд прямо сейчас.

Повисло молчание. Наконец, вперёд шагнул Пётр.

— Я знал, что это плохо кончится. Но впереди была только тьма. Мне ничего не понятно из того, что вы говорите. Но я хочу понять. Я с вами, как и раньше! До конца!

— И я.

— И я.

— И я тоже.

— Да, уж, пошло оно всё в бездну, если отступать теперь, — хмыкнув, заявил Марик. — И я с вами. До конца.

Глава 5

Зло не отбрасывает тени на солнце, но оно намного более реально, чем многое.

Над чёрными полями тянулась едва различимая в полуденных лучах дымка испарений. Непривычная для марта жара казалась не благодатью небес, а сущим кошмаром. Местами земля лопалась сухими комьями, уже позабыв недавнее половодье. От горизонта к горизонту, распахивая поля поперечными линиями, трудились крестьяне. Одного взгляда хватило, чтобы понять — их слишком мало. Редкую цепь сторожили скучающие вдоль полей и ещё более редкие всадники — драгуны.

— Неужто всё настолько плохо? — проговорил Марик, поднеся ко лбу ладонь и вглядываясь в силуэты солдат.

— Стерегут земледельцев, чтобы не разбежались, — ответил Раслав, хмыкнув.

— Чёртово племя… — медленно протянул Пётр. — На тракте повсюду мертвецы, своры бродячих собак гуляют, а вы своих караулите, пускай трудятся!

Сорина, идущая рядом с ним, мрачно покачала головой, опустив взгляд.

— Лучше бы делом занялись, да переловили эту заразу, — тихо обронила она.

— И нас заодно, — согласился я.

На меня воззрились кто с непониманием, а кто с возмущением.

— У всего есть цена, — спокойно продолжил я, не останавливаясь. — Если подготовка к посевной не начнётся вовремя, будет голод. Погибнет ещё больше народу. Они всё правильно делают, крестьянам придётся тянуть это на себе, как в общем-то и всегда.

— Кто они? — спросил Пётр.

— Не важно, — ответил я. — Я бы поступил так же. Но подсластил пилюлю, сказав, мол, драгуны не вас караулят, чтобы не разбежались, а наоборот, стерегут, дабы вас кровососы в лес не перетаскали.

— И все довольны, — снова хмыкнул Раслав.

Завидев нас, один из драгунов развернул коня и медленно пустил животное к нам навстречу. Демонстративно достав из седельной сумки мушкет, он бережно уложил оружие поперёк седла, придерживая одной рукой. Меховая шапка драгуна была сдвинута набок, красный жупан расстёгнут на груди.

«Ни шлема, ни кирасы, — отметил я про себя. — Конечно, так никого не защищают. Значит, им известно, что угрозы нападения вампиров здесь нет. Интересно, отчего такая уверенность? Стерегут именно крестьян, чтоб не разбежались по лесам».

Поравнявшись с нами, драгун медленно проехал мимо, молча оглядывая людей, а затем, развернувшись, пустил коня шагом, сопровождая.

— Откуда бежите? — спросил он, украдкой поглядывая на женщин.

— Мы из разных мест, — уклончиво ответил я. — Дорога свела… Я уже не помню всех, с кем шёл, вёрст так десять назад двоих дружков схоронил.

— Упыри сцапали? — со знанием дела вопросил драгун.

— Ночью волки задрали.

— Ишь ты, — протянул солдат. — А точно не упыри?

— Упыри задрали мою жену двадцать вёрст назад, — заявил Пётр глухим бесстрастным голосом.

Драгун потемнел лицом, явно искренне сочувствуя утрате Петра, но не нашёлся, что сказать. Помолчав, он едва ли не извиняясь сообщил:

— За стены скорее всего не пустят… ежели токмо это… не заслать кому надо.

— Останемся в посадах, — равнодушно сказал я.

— Дворы переполнены, — с сомнением заметил драгун. — Никто не примет. Вокруг сплошная палаточная свалка, городским уже вот по сих, — он постучал ребром ладони по горлу, — пришлые.

— А может, ты и кому заслать подскажешь? — спросил я, догадываясь, к чему тот клонит.

— Для начала мне, — тотчас заулыбавшись, выпалил солдат, явно только этого и ждавший. — Так и сговоримся.

— Сколько?

— Вас семеро, значится… Гм… Семь сотен солёных!

— Да ты с ума сошёл! — вскипел Пётр. — Когда вокруг творится такое, драть последнее! И с кого?!

Драгун нахмурился, раздосадованный тем, что не получил желаемого сразу.

— И действительно, с кого? — тихо проговорил он, глянув через плечо, а затем махнул другому драгуну, который хоть и был за полверсты отсюда, но явно приглядывал за всем происходящим.

Его товарищ тотчас направил коня рысцой по направлению к нам. Оружие драгуна, говорившего с нами, с коленей перекочевало на плечо. Ситуация складывалась пренеприятнейшим образом.

— Погоди, нам надо посовещаться, — сказал я, примирительно поднимая руки.

— Ну, давай, — брякнул солдат. — Но, когда подъедет мой товарищ, цена удвоится.

— А, чёрт с тобой, — буркнул я, просовывая пальцы за голенище сапога.

Достав оттуда потемневший от дорожной пыли носовой платок, я развернул его. Там лежал один золотой. Глаза драгуна вспыхнули алчным блеском. Он тотчас обернулся и махнул своему приятелю. Тот остановился, привстав в стременах, а затем развернул коня и отправился обратно на свой пост.

«Проклятый спектакль, — подумал я. — У них всё разыграно, как по нотам. Пусть. Надеюсь, они подавятся этой монетой, лишь бы не обманули».

На нас то и дело посматривали крестьяне, изнывающие от палящего, так не свойственного привычно холодному марту солнца. Уставшие, уже обгорелые лица провожали нас взглядами. Драгун проехал с нами локтей пятьдесят, довольный заключённой сделкой, неспешно рассказывая об обстановке в Нутаре.

— Эт верно, что вы в посадах решили не вставать. Там сейчас зараза одна и енти… как их там эмпи… эпти… демии, короче! Больных много! Не надо туда. Ворота за стены днём закрыты, пускают только иностранных гонцов и посыльных дорожной компании «Солыцкий и сыновья».

— А продовольствие? — спросила Агата.

— Проверяют у ворот, — ответил он, хохотнув. — Да ещё и в присутствии инквизиции! Слыхали?! Как будто куриные яйца кого-то убивали! Ха-ха! Разве что тухлые!

Я вынужденно, но как мог искренне рассмеялся, понимая, что должен веселить это подобие защитника столько, сколько потребуется.

— Как же нам попасть внутрь? — отсмеявшись, спросил я.

— Так. Сегодня у нас что? Среда, значит… Гм. Четверг! Да, вам нужен четверг. В четверг в караулке к востоку от главных ворот будет дежурить мой шурин. Отдадите ему вот это. — Солдат протянул мне выуженную из-за пазухи деревянную курительную трубку.

Я покрутил в руках предмет. В целом ничего особенного, если не принимать в расчёт узор. Вещица имела метку с принадлежностью, любовно вырезанный вензель «Д».

— Д это?

— Довбор! Витольд Довбор — эт я! — сияя от самодовольства, поведал драгун.

— А как звать шурина?

— Павлуха звать. Ну, для вас Павел, ясдело. Он такой чернявый, нос сломан, и губа верхняя рассечена. Ох, и случай же это был, я те скажу! Сидели мы с ним под обстрелом, ещё во время первой русовской кампании. Я ему, стал быть, и говорю: надобно сгонять, сообщить, что нам уже бить нечем. Тут он башку изо рва, да и высунь, а там… Мать честная! Снаряд прямо ему в рыло летить!

— И что, убило? — устало осведомился я.

— Как убило? Кого убило? Он ж на воротах сейчас служит! Ты ку-ку, што ль?

— Значит, только ранило, — терпеливо продолжил я.

— И то, как сказать, ранило! Ха-ха! Ядро от земли скок да прям в него, а у него фальшион в руке! Ха-ха! Прямо в клинок долбануло, а тот ему ложным лезвием в рыло!

— Живут же люди, — хохотнув, подбодрил я солдата. — Повезло!

— Не повезло, а рука дюжая снаряд остановила! — грозно заметил солдат.

— Это да-а-а, — протянул я. — Значит в четверг, к востоку от главных ворот?

— Да, вход в бастион, но сранья. Сразу после полуночи постучись в караулку, там дверка такая узкая неприметная. Постучи и жди. Ежели сразу не открыли, не барабань! Погоди чутка, и снова тихо постучи.

— А если не отворят? — усомнился я.

— Да, как не отворят? Уплочено ж! — раздражённо ответил драгун, будто бы это рассеивало все сомнения.

— Что ж, добро! — кивнул я, натянув улыбку. — Спасибо тебе, Витольд Довбор!

— Да не за что, — отмахнулся тот, в который раз пробуя золотой на зуб.

Распрощавшись с солдатом, мы двинулись дальше по дороге. Встреченный вскоре второй драгун пропустил нас мимо, даже не одарив взглядом.

«Уплочено ж, — хмыкнул про себя я. — Хороши защитнички! Ох, и хороши!».

Агата осторожно коснулась моей ладони и на миг сжала её.

— Ты веришь ему? — прошептала она.

— К сожалению, да, — ответил я. — Он не просто случайно встреченный воришка, а на посту. Его легко будет найти снова в случае чего.

— Но в наши планы не входит гоняться за жуликами.

— И не придётся, его шурин впустит нас в город, я уверен.

— Как бы не оказаться в капкане, который захлопнулся, — посетовала Агата.

— Я тоже об этом думал, но пришёл к выводу, что там будет безопаснее. К тому же, нам нужен постоянный доступ к информации, ко множеству слухов. Крупный город — в самый раз.

Агата запустила пальцы во вьющиеся каштановые волосы, поправляя их. Заметив мой взгляд, она едва заметно улыбнулась.

— Никак к ним не привыкну. Когда появится возможность, я хочу их обстричь покороче.

— Не надо.

— Почему?

— Мне так нравится.

— А-а-а, вот оно что, — протянула Агата, притворно хмуря брови. — А то, что я теперь девочка помоложе, тебе, наверное, тоже нравится?

— Не говори ерунды, — хохотнул я, возвращая ей улыбку. — Это не важно.

— Нет. Важно, — сказала Агата, чуть подумав. — Я поняла, что это «мне» нравится. Понимаешь? Очень странное чувство. Я уже забыла ведь, когда себе нравилась.

— И очень зря, — отмахнулся я. — Ты выглядела роскошно, твоя…

— Так, не начинай, — тихо сказала Агата, шутливо пихнув меня в бок локтём. — Вот, взгляни. Эти руки, какая мягкая кожа. Я ведь ещё не мылась в этом теле. А кожа шелковистая, упругая. Мои прежние руки были вечно красными, кожа шелушилась. А её грудь? Потрогай!

— Прекрати, — прыснул я.

— Не хочешь? — прошипела Агата, веселясь в ответ. — Ладно, прости! Видно, мне было это нужно… Немного глупости и шалости. Эти дни такие напряжённые… Как и годы до них.

— Каково это? — вдруг спросил я.

— Застрять там, когда время тут словно встало? — догадалась Мытея.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Не знаю, как описать, — тихо прошептала Агата. — Сейчас кажется просто странным… Тогда… Милый, я не могу описать то, что было тогда. Для такого нет слов тут, под этим солнцем.

Агата приставила ко лбу ладонь, глядя в безоблачные небеса. Она улыбалась, не знаю чему, то ли лазури над головой, то ли каким-то приятным мыслям. Я словно мальчишка вцепился в одно лишь важное для меня слово — «милый». Она сказала милый. С момента возвращения Агаты из Амбраморкс мы совсем не говорили о нас, о том, что связывало нас раньше. Я не торопил её, понимая, что прошлая жизнь теперь только казалась непростой, теперь же она опаснее и сложнее во сто крат. И всё-таки на задворках сознания ещё жило сердце, пускай опустошённое, но которое не проклял некромант, не вырвала инквизиция, не отравил Дулкруд. То сердце страстно мечтало лишь об одном… И это вовсе не было властью и победой над врагами. Украдкой поглядывая за тем, как Агата наклоняется, чтобы сорвать подснежник, или смахивает со лба непослушную прядь, я думал о том, как однажды сорву с неё одежду. Она вдруг поймала мой взгляд. По-видимому, он был уж очень красноречив.

— Держи себя в руках, проклятый, — кокетливо промурлыкала она, заливаясь краской.

«Значит, и ты ко мне не остыла», — подумал я, снова становясь глупым мальчишкой.

Вскоре поля сменились подворьями. Вдоль заборов стояли наспех сооружённые навесы. Там горели костры, грелись бурлящие котелки. Похлёбка — лучший друг всякого в голод. Скидай в воду всё, что нашёл, и вываривай, пока не распадётся на слои. Хватит на всех. Не так уж вкусно, зато желудок обманет.

«Хорошо, что нам не надо есть, — подумал я, найдя собственную мысль глупой. — Нет худа без добра, хоть и добра здесь никакого нет».

Посады тянулись не на одну версту. Поначалу нас оглядывали, но без особого интереса и то лишь по первой, а оттого мы быстро смешались с толпой. Публика была столь разношёрстной, что скоро я понял — сюда бежали все не только с окрестных сёл, но и со всего региона.

«Значит ли это, что иные города пали? Возможно ли такое?».

Ближе к вечеру мы достигли главных ворот Нутара, после чего двинулись на восток вдоль стен. Сам город стоял на слиянии двух рек — Волны и Мольбы. Центральные ворота возвышались на насыпном полуострове, соединяясь с противоположным берегом подвесным мостом в самом узком месте Волны. Искомый бастион возвышался над узкой полоской гати. В сущности, никаких ворот там не было, да и быть не могло, тут едва ли проезжала одна телега. Оказавшись перед крошечной дверью в каменный бастион, я тотчас понял — это вообще не было задумано как вход.

«Скорее всего, здесь был тоннель, прорытый под земляным валом для скрытых вылазок, но река подмыла берега, а насыпь своевременно не восстановили, — размышлял я, неосознанно возвращаясь к прошлому командира сапёрного полка псковичан. — Вот так и проигрываются осады! Отдать бы под суд того, кто здесь руководит обороной!».

До полуночи ещё было далеко, а потому мы заняли место неподалёку от двери, усевшись прямо на землю. Надо сказать, что кроме нас здесь находились ещё две группы беженцев. Семья, состоящая из отца, матери и двух дочерей, неприязненно косилась на нас, всполошившись появлением такой «толпы». Одной из девочек было лет пять. Светло-русые да голубые глазки.

«Прям как мои… — подумал я, тотчас ужаснувшись простому, но горькому факту, — я не смог сходу вспомнить имена дочерей. — А сколько им сейчас?».

Мне стало больно, а потому я заставил себя выбросить этот вопрос прочь. И хоть мозг уже дал ответ, я запретил сознанию его принимать.

«Не помню, — сказал я себе. — Давно это было. Да и не со мной».

Вторая девочка казалась постарше. Во всяком случае, она держалась иначе. Ей хватило наглости выдержать мой взгляд, я даже прочёл в нём некий, пусть ещё и слишком детский, но вызов.

«Вы только поглядите, — хмыкнул я про себя. — Осторожнее, дитя. В мире много хищников. Особенно теперь».

Отец с матерью заметили, что я на них пялюсь, и пересели, закрывая собою детей. Отец зачем-то начал демонстративно прочищать пистолет.

«Сейчас со стены тебе на голову что-нибудь скинут, идиот», — подумал я, но не стал ему ничего говорить.

Вторая группа состояла лишь из трёх женщин. Серо-бурые хитоны с капюшонами, простые верёвочные пояса. Им было лет по тридцать, может, сорок. Морщинистые лица с сухой кожей, загорелые, почти смуглые.

«Послушницы Эвт, — догадался я. — И тоже через чёрный вход, за мзду?! Вот это номер… Поверить не могу!».

Поразмыслив, я понял, что это не укладывается у меня в голове. Ну не могли монашки заплатить взятку, да ещё и столь бесстыжую по своему размеру, чтобы проникнуть в город. Махнув своим, чтобы не шли за мной, я поднялся с земли, подойдя к ним.

— Прошу простить моё вторжение, дамы. Могу я задать вам пару вопросов?

На меня уставились три пары почти тёмных глаз. Они молчали, изучая моё лицо. Наконец, одна из них, чей взгляд был значительно острее и суровее прочих, заговорила.

— Доброго дня, путник, и да прибудет с тобой благословение милостивой Эвт.

— И вам того же, сударыни, — сдержанно отозвался я.

— Садись же, в ногах правды нет, — проговорила она, деланно улыбаясь.

«Ряженые, — тотчас догадался я, едва услышав последние слова. — Хотят попасть внутрь, запудрив мозги страже».

— Полагаю, я уже знаю ответы на свои вопросы, — ухмыльнувшись, заявил я. — Доброй ночи.

Меня провожали напряжёнными и злыми взглядами, но я лишь стрельнул глазами в ответ, обернувшись на полпути. Пусть злятся, им ещё повезёт, если сегодня никто их не отхлещет плетьми в назидание другим. Вернувшись к своим, я сел рядом с Агатой. Пётр и Раслав собрали добрую пригоршню щепок, из которых соорудили крошечный костёр. Робкое трясущееся пламя жадно перемалывало берёзовую кору, подрагивая на ветру. Первой мыслью было погасить костёр, дабы не раздражать стражу. Но я запретил себе это.

«Подумаешь, крохотный огонёк. Сколько таких горит по окрестностям в посадах? А они соскучились по огню. По настоящему, а не призрачному, не тому, что сжигал их души. Пусть радуются».

Мы молча взирали на пламя, ожидая, пока сменится караул. Поначалу говорить не хотелось, хоть мы и без того не привыкли обсуждать что-то кроме дела. Однако отчего-то именно сегодня я почувствовал желание узнать что-то о них. Их судьбах, прошлом, а может и настоящем.

«Подумать только, — размышлял я. — Мы с Агатой ввергли не десятки и даже не сотни душ в смертельно опасную игру. Наши действия были истеричны, опрометчивы, жестоки. Мы боролись за спасение одних, но подставили под удар других. И всё же не все из них лишь пешки. Я должен узнать тех, кто идёт за мной, с кем мне вскоре придётся вместе воевать».

— Пётр, — проговорил я тихо, так чтобы не слышал никто за пределами нашего костра.

— Да? — с готовностью к приказам отозвался он.

— Кем ты был до того, как тебя сделали мормилаем?

На миг он задумался, то ли решая, стоит ли посвящать меня в истину, то ли и вправду припоминая, отодвигая прочь занавес из тяжёлых воспоминаний.

— Купцом. Я держал два корабля на берегах Силува.

— И за что тебя прокляли?

— Хорошо торговал, — ответил он, зло улыбнувшись.

— Понимаю, — хмыкнул я.

— Но зачем? — подала голос Анка.

Пётр взлохматил чёлку, запустив в неё пятерню. Слова давались ему с трудом, но он всё равно говорил. Я вдруг понял, что он очень хотел, и к тому же давно, выговориться.

— Одна тварь, не важно, как его звали, мне завидовал пятнадцать долбанных лет. Сперва сам сватался к моим дочерям, затем хотел выдать свою дочку за моего сына. Да только вот я не собирался родниться с заразой!

— Что он сделал? — жестоко, но прямо спросил я, чувствуя, что он готов признаться, а значит, скинуть хоть толику тяжести с души.

— Убил меня. Затем привёл некроманта и подчинил. Они сказали всем, что я принял обет молчания.

— Боже мой, сказал бы я, если бы не знал, что все они мертвы, — мрачно заметил я. — Неужели в этот бред можно верить? Нет-нет да и кто-нибудь вдруг теряет голос, но никому и никогда не дела! Ведь это так буднично!

— Ты не прав, Алексей, — тихо проговорил Раслав. — Такое случается и правда не часто. А когда случается, люди не думают, так ли это или человека сковали проклятием… Ведь иначе, что выходит? Надобно идти к инквизиторам, давать показания. А ежели там будет не тот человек? Ну, то бишь купленный. Тогда что? Ты следующий, вот что. Потому и молчат.

— И всё же, что было потом? — сказал я, возвращаясь к истории Петра.

— Переписали все мои договоры, потом корабли, отдавая приказы, которые мне приходилось молчаливо выполнять. Я только кричал от боли, но услышать было некому. А мою семью пускали по миру на моих же глазах. Ему доставляло особого удовольствия заставлять меня смотреть, как жизнь и надежда умирает в моих глазах. При мне же он овладел моей младшей дочерью. Это уже было потом, когда всё продали, когда всё было кончено, и некому было заступиться.

Над миром мягко разливались сумерки. Слова проклятого становились тише, хоть нам и не было нужды слушать его ушами. Мы могли переговариваться мысленно, но всё равно делали это по-старому, наслаждаясь обычной человеческой речью. Я чувствовал, как тьма берёт власть над миром. Меня пленительно тянуло воспользоваться её властью, отпустить сознание, отправившись в астральное путешествие тёмным зрением, но приходилось медлить.

«Не время, — говорил я себе. — Сейчас очень важный момент. Я хочу знать о них всё».

— Что случилось с тобой, Сорина? — заговорил я, выдержав паузу после рассказа Петра.

На меня уставились дымчато-серебристые глаза. В них не было злости от того, что кто-то вторгался в святая святых души. Она с интересом искала ответы в моих, и это было честно.

— Леди Сорина Акенкурская, — скрежеща сталью в голосе, заявила она.

— Знакомая фамилия, — подумав, заметил я. — Бартоз, случайно не…

— Мой дед, — кивнула она.

— Славный рыцарь.

— Может быть. Не знаю. Я его почти не помню.

— Значит, ты знатных кровей, — присвистнул Марик.

— Была когда-то, — слабо улыбнулась Сорина. — Но меня предала собственная сестра.

Мы молчали. Проклятая протянула к крошечному пламени костерка ладонь, коснувшись языка огня кончиками пальцев, будто хотела удостовериться, что происходящее не сон, не грёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.